

УДК 340.1

Т.С. ВОРОПАЙ, докт. филос. наук, проф.,
Харьковский национальный университет внут-
ренних дел

ДЖОРДЖО АГАМБЕН О ЧРЕЗВЫЧАЙНОМ ПОЛОЖЕНИИ

Ключевые слова: *чрезвычайное положение, пра-
во, политика, демократия*

Одним из знаковых исследователей в сфе-
ре современной философии права является
итальянец Джорджо Агамбен (Giorgio
Agamben). Его своеобразие как философа не
только в яркости и оригинальности выбирае-
мых тем, но и в смене концептуальной пара-
дигмы, заставляющей по-новому мыслить,
казалось бы, традиционные и хорошо изучен-
ные проблемы соотношения морали и права,
права и политики и т.п.

Работа Дж. Агамбена «Суверенная власть
и голая жизнь» вышла в 1995 году, став пер-
вой книгой цикла «Homo Sacer» [1]. Затем
появилась публикация «Что остается после
Освенцима: архив и свидетель» (1998) [2].
«Чрезвычайное положение» (2003) – послед-
няя книга данного цикла [3]. Углубленному
анализу первой из работ цикла посвящены, в
частности, мои статьи [4–5], а предметом
предлагаемого сейчас исследования избрано
«Чрезвычайное положение», существенно
«резонирующее» с ситуацией в Украине
2014–2015 годов.

В работе Дж. Агамбена «Что остается после
Освенцима: архив и свидетель» непосредст-
венно исследуется трагический опыт немец-
ких концлагерей. В ней внимание акцентиро-
вано на отсутствии адекватного этического
инструментария, который бы позволял опи-
сывать и анализировать то, что произошло в
самом центре «цивилизованной Европы» в
40-х годах прошлого века. Итальянский фи-
лософ признается, что проведенное исследо-
вание «заставило его отбросить практически
все теории, которые после Освенцима все еще

претендовали на то, чтобы называться этиче-
скими» [2, с.8]. Этим он осмелился вслух вы-
сказать то, что многие профессионалы осоз-
навали, но по тем или иным причинам явно
не артикулировали: ни телеологическая этика
Аристотеля, ни деонтологическая этика Канта
не в состоянии предложить современности
подходы, которые были бы в состоянии ее, эту
современность, осмыслить и описать. В попы-
тках охватить «текучую современность» ока-
зываются тщетными старания некоторых фи-
лософов в соединении этих мощных в
прошлом теорий. «Как мы увидим, практиче-
ски ни один этический принцип, который наша
современность, как ей казалось, могла при-
знать действующим, не выдержал главного ис-
пытания – *Ethica more Auschwitz demonstrare*
(этика, доказанная Освенцимом), – утвержда-
ет Агамбен [2, с.9]¹. Свою роль он видит в
том, чтобы как-то помочь будущим картогра-
фам «новой этической территории», даже ес-
ли удастся всего лишь «добиться пересмотра
некоторых терминов, с помощью которых
фиксируется этот главный урок столетия, так
что некоторые слова выйдут из употребления,
а другие начнут пониматься иначе» [2, с.9].

В работе «Чрезвычайное положение» Ага-
мбен обращается к знаменитой «Политичес-
кой теологии» Карла Шмитта, где была отме-
чена сущностная связь между чрезвычайным
положением и суверенитетом, дано определе-
ние суверена как «того, кто принимает реше-
ние о чрезвычайном положении». Как показал
с опорой на римскую историю К. Шмитт,
суверен является исключенным из закона и
подобен в этом отношении изгою, так же
стоящему вне закона². Такого человека, сое-

¹ Название аналогично названию труда Бенедикта
Спинозы «Этика, доказанная геометрическим мето-
дом» («*Ethica More Geometrico Demonstrata*», другое
название – «*Ethica Ordine Geometrico Demonstrata*»).

² Как свидетельствует В.С. Соловьев, И.Г. Фихте в
этой связи предлагал следующий мыслительный экс-
перимент, показывающий, что значит оказаться вне
закона. Уличенный правонарушитель сначала просто
«оставляется по ту сторону закона». Он делается
vogelfrei (свободным, как птица), то есть получает воз-
можность творить все, что ему в голову взбредет. Но

диняющего фигуру власти и ничтожества одновременно, и называли в Риме *Notio Sacer*. Чрезвычайное положение, в которое помещена эта фигура, является истинным основанием любого закона.

Чрезвычайное положение – это, согласно Агамбену, не особого рода право (наподобие права военного); будучи временным упразднением самого юридического порядка, оно обозначает его предел, или *понятие-границу*, за которой уже находится «законное неправое» [3, с.8]. Ситуация крайней необходимости, на которой базируется чрезвычайное положение, не может иметь юридической формы. Само определение термина находится на границе между политикой и правом. Усугубляет ситуацию с определением чрезвычайного положения и его тесная связь с революцией и гражданской войной, а также связь революции – с мятежом, вооруженным восстанием, переворотом и т.п.

Чрезвычайное положение находится в «двойственной и неясной зоне, на пересечении юридического и политического». Вопрос о границах становится, таким образом, еще более насущным: если чрезвычайные меры суть плод политического кризиса и как таковые должны осмысляться внутри политической, а не конституционно-правовой сферы, то они оказываются в парадоксальной ситуации юридических процедур, которые не могут быть определены в рамках права. Одновременно чрезвычайное положение предстает как *правовая форма того, что правовой формы иметь не может*.

Аналогичный парадокс можно увидеть и так называемом «праве на сопротивление». Аналогия в том, что как в случае права на сопротивление, так и в случае чрезвычайного

зато и все другие свободны в отношении его: каждый волен безнаказанно «употребить» преступника по своему желанию, то есть подвергнуть его надругательству, обратить в раба или просто убить. Не очевидно ли, говорит Фихте, что, оказавшись в подобном положении, преступник сам попросит для себя наказание, предусмотренное уголовным кодексом (см. подробнее [6]).

положения возникает проблема юридического смысла той сферы действия, которая сама по себе находится за пределами правовой системы. Так, история с «законами 16 января», которые пыталась принять Верховная рада Украине во время Революции достоинства, – яркое тому подтверждение. Ибо если бы они были приняты, о «праве на сопротивление» можно было бы забыть. С другой стороны, протестное движение плохо укладывается в нормальные юридические формы и не может быть полностью свободным от политических интерпретаций.

Опираясь на Вальтера Беньямина, Агамбен утверждает, что в современном мире чрезвычайное положение все больше становится правилом. При этом важно помнить, что современное чрезвычайное положение – порождение Модерна, то есть демократически-революционной, а не абсолютистской традиции. С того момента как «чрезвычайное положение... стало правилом», оно все чаще и чаще оказывается управленческой технологией, а не вынужденной чрезвычайной мерой. На фоне неудержимого развития явления, названного «гражданской войной в мировом масштабе», чрезвычайное положение все более и более стремится стать доминирующей парадигмой современной политики³. В итоге теряется граница не только между правом и политикой, но и между правом и жизнью: исчезает и то, и другое и появляется странный мир чрезвычайного положения, где право не исполняется, а человеческая жизнь превращается в чистую «биологию», осуществляемую биовластью.

Критики отмечают, что Агамбен противопоставляет негативную концепцию чрезвычайного положения В. Беньямина позитивной его концепции К. Шмитта. Для Шмитта чрезвычайное положение – политический аналог чуда, для Беньямина оно, напротив, – аналог политической катастрофы. Шмитт считал но-

³ Выражение «гражданская война в мировом масштабе» в одном и том же 1961 году появляется в книге Ханны Арент «О революции» и в работе Карла Шмитта «Теория партизана».

рму о чрезвычайном положении необходимой потому, что она позволяет праву выходить за собственные пределы и устанавливать отношения с внеправовым полем. Для Беньямина же чрезвычайное положение есть пространство неопределенности между аномией и правом [7]. По сути Шмитт стремится подчинить внеправовое поле праву через фигуру чрезвычайного положения, тогда как Беньямин усматривает здесь инструментальное насилие, полностью внеположное праву.

Агамбен различает две интерпретации чрезвычайного положения: «кеноматическую» и «плероматическую». В соответствии с первой, чрезвычайное положение производит правовую пустоту, аномию, тогда как вторая возвращает правителю «полновластие» абсолютного правителя. Именно первую интерпретацию Агамбен считает правильной.

Речь не идет о том, чтобы отвергнуть чрезвычайное положение как зону кризиса права и вернуться к нормативному праву и к жизни, как она есть. Это невозможно, потому что чрезвычайное положение конституирует и право, и жизнь. Подлинный политический выход из ситуации чрезвычайного положения заключается, по Агамбену, в том, чтобы разорвать отношения между правом и жизнью, правом и насилием. Только тогда сможет возникнуть неисполняемое право и самодостаточное действие как элементы неимперативного дискурса, который ничего не предписывает и ничего не запрещает.

Еще одно из важнейших свойств чрезвычайного положения – временное упразднение, в той или иной мере, разделения законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти – повсеместно обнаруживает тенденцию к превращению в длительную управленческую практику. Правительству передается законодательная власть, которая должна быть единственно прерогативой парламента. Агамбен приводит пример нацистского государства. Сразу после того, как Гитлер пришел к власти, 28.02.1933 г. он издал декрет «О защите народа и государства», который приостановил действие ряда статей Веймарской конститу-

ции, касавшихся личных свобод. Декрет не был юридически отменен, что позволяет считать Третий рейх чрезвычайным положением, длившимся 12 лет – вплоть до капитуляции Германии 08.05.1945 г. Другие примеры из истории также показывают, что срок, на который вводится чрезвычайное положение, редко бывает коротким. Кроме того, история этого института, по крайней мере, начиная с Первой мировой войны, обнаруживает, что его развитие шло независимо от процесса конституционной или законодательной формализации. Все это позволило Агамбену прийти к заключению, «что систематическое и регулярное воспроизведение этого института необходимо ведет к ликвидации демократии» [3, с.9].

В. Беньямину принадлежит известное высказывание: «Ради нашей демократии можно принести любую жертву, тем более временно пожертвовать самой демократией». Но временная жертва демократии, безусловно оправдана лишь там, где ее традиции достаточно сильны и есть сильное и развитое гражданское общество. В слабых же или молодых демократических государствах эта «временная жертва» способна похоронить демократию надолго, если не навсегда. Это предостережение представляется не лишним актуальности и для сегодняшней Украины.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агамбен Дж. *Homo Sacer. Суверенная власть и голая жизнь* / Джорджо Агамбен. – М. : Европа, 2011. – 256 с.
2. Агамбен Дж. *Homo Sacer. Что остается после Освенцима: архив и свидетель* / Джорджо Агамбен. – М. : Европа, 2012. – 192 с.
3. Агамбен Дж. *Homo Sacer. Чрезвычайное положение* / Джорджо Агамбен. – М. : Европа, 2011. – 148 с.
4. Воропай Т. С. Читая Джорджо Агамбена: переосмысление этики под знаком права / Воропай Т. С. // *Ученые записки Таврич. нац. ун-та им. В. И. Вернадского*. – 2014. – Том 27 (66). – № 1–2. – С. 333–339.
5. Воропай Т. С. *Этика и право: Джорджо*

Агамбен vs Чезаре Беккариа / Воропай Т. С. // Еволюція уявлень про злочини і покарання у суспільно-правовій думці. – Зб-к. мат. Міжнародної наук.-практ. конф. (24 червня 2014 р.). – Харків, 2014. – С. 38–43.

6. Соловьев Э. Ю. Переосмысление талиона. Карательная справедливость и юридичес-

кий гуманизм / Э. Ю. Соловьев // Новый мир. – 2004 . – № 1 . – С. 123–142.

7. Магун Артем. Различать или разрывать? Последняя книга Джорджо Агамбена / Магун Артем // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sinijdivan.narod.ru/sd6rez2.htm>.

Воропай Т. С. Джорджо Агамбен о чрезвычайном положении / Т. С. Воропай // Форум права. – 2015. – № 4. – С. 45–48 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://nbuv.gov.ua/j-pdf/FP_index.htm_2015_4_9.pdf

Предпринята попытка социально-философского анализа института чрезвычайного положения в работе Дж. Агамбена «Homo Sacer. Чрезвычайное положение». Показано, что чрезвычайное положение – это не диктатура, а пространство правового вакуума, зона аномии, где «парализованы» все «нормальные» юридические понятия. Отмечена связь между чрезвычайным положением и революционным насилием, констатирована опасность чрезвычайного положения для молодых демократических государств, включая Украину сегодня.

Воропай Т.С. Джорджо Агамбен про надзвичайний стан

Зроблено спробу соціально-філософського аналізу інституції надзвичайного стану в роботі Джорджо Агамбена «Homo Sacer. Надзвичайний стан». Головна мета статті – показати, що надзвичайний стан – це не диктатура, а простір правової порожнечі, зона аномії, де парализовані всі юридичні поняття. Показано зв'язок між надзвичайним станом і революційним насильством, констатована небезпека надзвичайного стану для молодих демократичних держав, включаючи Україну сьогодні.

Voropay T.S. Giorgio Agamben about State of Emergency

An attempt of social-philosophical analysis of emergency state institute in relation with the G. Agamben's work «Homo Sacer. State of Exception» is presented in this paper. It is found, that state of emergency is not a dictatorship but the room of law vacuum, zone of anomy, where all «normal» legal concepts are «paralyzed». It is pointed out some connection between state of emergency and revolutionary violence; a danger of emergency state for young democracies including current Ukraine is articulated.